

УДК 392 (470.21)

ФЁДОРОВ Павел Викторович, доктор исторических наук, профессор, руководитель лаборатории геокультурных исследований и разработок Международного банковского института, главный научный сотрудник Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина (Санкт-Петербург). Автор 135 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий, 4 учебно-методических пособий

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ (1931–1991 годы)

В статье на основании анализа новых документов были рассмотрены исторические последствия урбанизации для традиционных культурных ландшафтов Кольского Севера. Особое внимание уделяется идеологическим, политическим и культурным предпосылкам урбогенеза, описываются возможные модели взаимодействия традиций и новаций в процессе урбанизации. Делается вывод о том, что ландшафтная эволюция не всегда приводила к полному отторжению традиции, а сопровождалась перестройкой иерархии старых и новых ландшафтов, вследствие чего миссия формирования местного культурного ландшафта будущего стала принадлежать городам.

Ключевые слова: урбанизация, культурная динамика, аборигены, культурный ландшафт, Кольский Север.

Урбанизация, начавшаяся на Кольском Севере в 1930-е годы, привела к радикальным структурным изменениям в составе населения. Доля городских жителей, традиционно уступавшая доле сельских жителей, в течение 30-х годов кардинально выросла в значении до 84 % (1939)¹. Продолжив увеличиваться в последующие десятилетия (1989 – 92 %) [17, с. 21], она закрепилась в качестве максимального уровня не только в РСФСР, но и – в виде российского достижения – во всей международной приарктической зоне.

Урбанизация на Кольском Севере сопровождалась беспрецедентной для заполярных широт концентрацией населения – 1 млн 164 тыс. чел. на 1989 год [17, с. 21].

Начало процесса урбанизации на Кольском Севере совпало с периодом реализации политики Советского государства по индустриальному строительству. Включение природных ресурсов края и омывающих его морей вписывалось в широкомасштабную программу развития сырьевой экономики всей страны.

¹ ГАМО (Гос. арх. Мурман. обл.). Ф. Р-709. Оп. 18. Д. 2. Л. 1–22.

© Фёдоров П.В., 2014

Индустриализация на Кольском Севере столкнулась с проблемой слабой заселенности региона, нехватки рабочих рук. Требовалось понять, каким образом концентрировать трудовые ресурсы в дискомфортной природно-климатической зоне. Власти использовали как принудительный, так и добровольный труд.

Урбанизация имела судьбоносное значение для системы традиционного расселения на Кольском Севере. Система культурных ландшафтов данной территории формировалась в течение многих столетий и к началу урбанизации была представлена такими традиционными типами, как саамский погост, село и его производные (деревня, выселок, становище), псевдогородские образования (уездные центры Кола и Александровск). Урбанизация повлекла за собой не только появление новых ландшафтных типов, но и полную перестройку, *трансформацию* всего ландшафтного устройства.

На первоначальном этапе близ строящихся предприятий возникали поселки лагерного типа, состоявшие из бараков, «шалманов» и других примитивных построек. Сохранить поселковый тип ландшафта или начать строительство городов – предстояло решить политикам, которые не могли не принимать во внимание тот факт, что город в сравнении с поселком представлял собой более дорогостоящий тип поселения, предъявляющий высокие требования к качеству строительства, коммуникациям и культурному облику. Но данное обстоятельство не пугало большевиков. С.М. Киров на общегородском собрании ленинградского партактива в 1931 году говорил: «Там, где до сих пор была пустыня, сказочно быстро вырастет город. Возьмем район апатитов в нашей области. Давно ли там жило всего лишь 200 человек? Сейчас там живут и работают 23 тысячи, а к осени перевалит за 30... Земли у нас много, надо подумать о целесообразном строительстве новых городов» [20].

Представляется, что к появлению проекта приарктической урбанизации причастна сама

революция, воспитавшая определенный идеализм, веру в социальную «сказку». Заполярный город стал неизбежно связываться с социальными завоеваниями революционной эпохи.

В отношениях к старому и новому на Кольском Севере появились города двух типов: 1) возникшие на пустом месте и 2) выросшие из старых населенных пунктов. Их происхождение было связано с разными трактовками социальных завоеваний.

Генезис городов первого типа, представленных в 1930-е годы Кировском и Мончегорском, была призвана обслуживать идея *социалистической «стерильности»*. Как отмечали разработчики проекта Положения о социалистической колонизации Кольского полуострова (1931), строительство социалистических городов на Кольском Севере выгодно отличалось тем, что устройство «многих десятков тысяч нового населения» происходило здесь «на свободных от исторических наслоений территориях», лишенных «старого капиталистического типа городов и докапиталистических сельских поселений», что давало возможность при первоначальном проектировании населенных пунктов добиться приглашения только трудовых элементов, устранить возможность развития частно-предпринимательской инициативы, отказаться от соблюдения различий между городом и деревней на основе интеграции городов с пром-агро-комбинатами². Со временем, правда, оказалось, что фильтрация трудовых элементов и стирание различий между городом и деревней – не более чем утопия. Строительство Кировска и Мончегорска начиналось с присылки сюда бывших «нетрудовых» элементов (кулаков) и заключенных, часть из которых неизбежно растворилась среди местного населения.

К городам второго типа, возникшим на базе старых населенных пунктов (Александровск-Полярный, Кандалакша, Кола), идея социалистической «стерильности» была неприменима. Для этого случая стала эксплуатироваться почитаемая всеми марксистами идея *прогресса*,

² ГАМО. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 137. Л. 16–28.

получившая широкое хождение по всей стране. Классическим примером советской мифологии стало часто использовавшееся сравнение показателей развития СССР с довоенным положением Российской империи в 1913 году, имеющее целью доказательства преимуществ советского строя. Характерные примеры данных сравнений советских достижений с «уровнем 1913 года» присутствуют, например, в некогда широко известном сборнике статей И.В. Сталина «Вопросы ленинизма» [24, с. 441–447].

Применительно к Кольскому Северу идея прогресса иллюстрировалась процессом превращения населенного пункта с «историей» в советский город или поселок с новым качеством жизни. В крайнем своем виде данная концептуализация предполагала отказ от прошлого через принижение его значения. В одной из районных газет находим ее «следы»: «...Семьсот или девятьсот лет существует она [Кандалакша], не суть важно. Они все равно значительно меньшую роль сыграли в ее экономическом развитии, нежели последние сорок лет» [25]. С другой стороны, возникла и лояльная форма выражения идеи прогресса, в соответствии с которой Кольский Север наделялся образом «древней земли», сама же история не противопоставлялась современности, а дополняла ее [16].

Но какая бы модель объяснения не была выбрана – «замещения» или «дополнения», – необходимо признать, что урбанизация самым жестким образом вторглась в пространство традиционных культурных ландшафтов. Урбанизационные потоки приносили с собой дороги. Общая протяженность автомобильных дорог в Мурманской области выросла с 233 км (1940) до 2569 км (1997) [4, с. 251]. Дороги разрезали пространства новыми разломами и территориальными швами, порой не обращая на старое население никакого внимания. Становилось *тесно*.

Транспортные средства, коверкая тундру, игнорировали значение этой земли как пастбища³. А паровоз внезапно мог засвистеть на пороге частного дома, как это произошло в поселке Мурмаши, где испуганного жильца, обнаружившего рядом с собственным крыльцом железную дорогу, охватила паника⁴. Свои условия диктовали и разливавшиеся вследствие строительства ГЭС водохранилища. В 1935–1936 годах на новые участки были переселены колхозы «Тулома», «Юркино», «Восмус», а также частные хозяйства, оказавшиеся в зоне затопления Нижне-Туломской ГЭС⁵. В 1955 году в зоне затопления Князегубской ГЭС оказался поселок лесозаготовителей Лягкомино, который тоже был перенесен на новое место [9].

Взаимоотношения кустарного и тралового промыслов показывали, что становилось тесно и в море. Траловый промысел, промышленная база которого обосновалась в Мурманске, был новым делом даже для опытных промысловиков, предпочитавших осваивать новую технику недалеко от берега, не забираясь далеко в неспокойный океан. Траулеры теснили маленькие суда кустарей, рвали сети, опустошая морские глубины. В 1926 году в целях предупреждения недоразумений Мурманский губисполком установил на Восточном Мурмане трехмильную прибрежную зону, в которой разрешалось заниматься только кустарным промыслом [5, с. 16]. Однако это постановление часто не соблюдалось, что вызывало нарекания со стороны кустарей.

Урбанизация влияла на традиционные ландшафты и через усиление политического ресурса. В целях укрепления обороноспособности северо-западных границ накануне Великой Отечественной войны летом 1940 года около 7 тыс. инонационалов, проживавших на территории Мурманской области, были депортированы в Карело-Финскую ССР и Алтайский

³ ГАМО. Ф. Р-646. Оп. 1. Д. 3157. Л. 420–423.

⁴ ГАМО. Ф. Р-857. Оп. 1. Д. 30. Л. 71.

⁵ ГАМО. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 115. Л. 1–62; Д. 133. Л. 66, 97, 145–146; Д. 134. Л. 24; Д. 136. Л. 19, 41–43, 99а.

край. Этой акцией были сведены на нет результаты лютеранской колонизации, происходившей на Западном Мурмане начиная со второй половины XIX века⁶.

Одним из главных последствий ландшафтной трансформации стало исчезновение традиционных форм проживания аборигенов края – саамских погостов. Этот процесс в значительной степени был вызван политикой, проводившейся Советским государством в 1930-е годы по коллективизации оленеводческих хозяйств и переводу их из полукочевого состояния в полную оседлость, что предполагало для каждого хозяйства выбор места постоянного проживания. Власти явно усматривали определенную зависимость между желанием саамов создавать колхозы и их оседлостью. В 1930-е годы существовало убеждение, что чем выше оседлость оленеводов, тем более организованное хозяйство они способны создать⁷. Поскольку коллективизация была частью обширной экономической программы большевиков, она невольно отражала собой тот же политический курс, что и индустриализация, и связанная с нею урбанизация. По данным, которые Мурманский окрисполком направил в Управление народов Севера при Главном управлении Севморпути за период с 1926 по 1936 год, число оседлых саамов выросло с 22 до 50 %⁸. Для доведения этого показателя до 100 % предполагалось укрепить в тундре сеть сел для оседлого проживания, построив в них жилые дома, склады, магазины, скотные дворы, дома сельсоветов и красные уголки⁹.

Конечно, причиной перехода саамов на оседлость была не только коллективизация, но и активное строительство на землях бывших погостов транспортных коммуникаций, поселков и городов с пришлым населением. Особенно видоизменилась территория тех погостов, по которым прошла железная дорога, –

Кильдинского, Масельгского, Экостровского, а также погостов северных районов Кольского полуострова, где развернулось военное и энергетическое строительство, – Иокангского, Семиостровского, Вороньинского, Мотовского. Разве что в восточной части Кольского полуострова были сохранены самые значительные площади пастбищ как основа для ведения оленеводства [8, с. 76].

В 1934 году саамы Кильдинского погоста смогли переселиться в специально созданное для них село Чудзъявр [1, с. 262]. Но уже в 1959-м в рамках политики «укрупнения» власти переселили жителей этого населенного пункта в Ловозеро. Туда же в 60-е были переселены группы вороньинских и семиостровских саамов. Тем самым саамский мир, традиционно устроенный как полицентричное пространство, теперь обретал главный центр – село Ловозеро, которое было превращено в основное место компактного проживания российских саамов, на что, по-видимому, не в последнюю очередь повлияла близость населенного пункта к районам урбанизации [8, с. 27–43]. В 1957 году сюда же, на станцию железной дороги Лопарская, из тундрового села Краснощелья была переведена опытная оленеводческая станция [21].

Исчезновение саамского погоста тем не менее не означало избавления от праландшафта, который то и дело напоминал о себе жителям городов. Население Мурманска, разрушенного в годы Великой Отечественной войны вражеской авиацией, было вынуждено вспомнить о нем, массово переселяясь в землянки. Так вокруг Мурманска возникли «временные земляные поселки» [11, с. 171]. Землянки продолжали использоваться и после войны в силу острой нехватки жилья. В 1957 году в Кольский райисполком поступило заявление гражданки У.И. Фёдоровой: «Прошу вашего распоряжения

⁶ ГАМО. Ф. Р-405. Оп. 4а. Д. 9. Л. 15–18.

⁷ ГАМО. Ф. Р-213. Оп. 2. Д. 38. Л. 68.

⁸ Там же. С. 67–68.

⁹ Там же. С. 72–73.

выделить мне комнату для одной метровой десяти, так как я живу в землянке, очень холодно...»¹⁰.

Другим следствием урбанизации стало сокращение на Кольском Севере сельского ландшафта, в состав которого входили не только «осевшие» саамские, но и русские поселения.

На первом этапе, в 1930-е годы, возникшая на побережье сеть рыболовецких колхозов укрепила в хозяйственном отношении села и бывшие «колонии», которые были превращены в производственную и социальную базу прибрежного промысла.

Однако начиная с 1950-х годов развернулась массовая кампания за ликвидацию «неперспективных» сел и деревень. Ее сопровождал отток населения на более привлекательные урбанизированные территории. Город благодаря достигнутому в нем благоустройству уже не только конкурировал с селом, но и выигрывал эту конкуренцию. Усугубил ситуацию упадок прибрежного промыслового хозяйства, обозначившийся в 1960-е годы.

Опустели многие поселения на побережье – Пулонга, Гаврилово, Зарубиха, Захребетное, Порчниха, Рында, Восточная Лица, Порья Губа, Стрельна. Та же участь постигла и села в тундре – Чальмны-Варрэ, Иоканьгу, Поной.

На фоне увеличения численности населения Кольского Севера процесс сокращения численности сел и деревень не был деколонизацией, это была реорганизация ландшафтов, вызванная процессом урбанизации. Важно отметить, что урбанизация хотя и сократила заселенную площадь территории, тем не менее не снизила освоенность Кольского Севера. Например, в южной части Мурманской области, в удаленных участках лесных массивов, появилась сеть лесозаготовительных поселков – Конец-Ковдозеро, Тикшозеро, Лягкомино, Пажма и др. [6, 10, 12, 26]. Дальнейшее развитие получила система транспорта и связи. Практически весь

Кольский полуостров покрылся сетью аэропортов и аэродромов местных воздушных линий¹¹. Телефон проник в самые дальние уголки тундры¹². В быт населения края прочно вошло телевидение [22, 27]. Систематическая работа по созданию в области сети современных шоссейных дорог началась с 1950-х годов. Современные дороги были проложены от областного центра к новым городам и местам строительства новых ГЭС. Свообразным каркасом шоссейной инфраструктуры стала автомобильная трасса Ленинград – Мурманск.

В условиях урбанизации у села была возможность уцелеть, если оно включалось в урбанизированный ландшафт: становилось пригородным селом или, более того, служило основанием для возникновения поселка городского типа или целого города.

Трансформация традиционного ландшафта могла происходить в двух вариантах: во-первых, за счет поглощения одного населенного пункта другим; во-вторых, на основе эволюции территории населенного пункта.

Примером первого варианта трансформации служит история села Кандалакши. С началом строительства железной дороги рядом с селом начал расти поселок, который в 1938 году был преобразован в город. Село продолжало существовать на границе городской территории, пока в 1971 году не было поглощено ею.

Таким же процессом поглощения завершилась диверсификация Умбы, начатая еще в царское время. Благодаря развитию лесного производства поселок Лесной в 1967 году поглотил село Умбу, которое, правда, перед своим исчезновением подарило поселку свое историческое название.

Второй вариант трансформации произошел с селом (а в прошлом – уездным городом) Колой. Возникший здесь в ходе строительства железной дороги станционный поселок находился в определенном удалении и никак не мог

¹⁰ ГАМО. Ф. Р-857. Оп. 1. Д. 35. Л. 51.

¹¹ ГАМО. Ф. Р-646. Оп. 1. Д. 1908. Л. 52–53.

¹² ГАМО. Ф. Р-646. Оп. 1. Д. 1367. Л. 1, 4.

стать центром поселения. Эволюции подверглось само село, преобразованное в 1935 году в рабочий поселок, а спустя 30 лет – в город. На его территории возникли рыболовецкий колхоз, мебельная и макаронная фабрики, гипсовый и пивоваренный заводы. Начавшийся в 1950-е годы снос деревянных строений расчистил территорию для создания новой застройки, состоящей из благоустроенных и многоэтажных зданий.

Подобно селу Кола, «изнутри» преобразовывалось и село Териберка. Его рост, закончившийся превращением в 1938 году в рабочий поселок, был обусловлен созданием промышленной базы прибрежного промысла. После перестройки старой части села застройка Териберки устремилась на север, в Лодейное.

К такой же «внутренней» трансформации в 1935–1936 годы готовилось село Белокаменка, куда предполагалось перенести центр Полярного района. Здесь планировалось построить электростанцию, хлебопекарню, пристань, здание райисполкома, почту, школу, больницу и интернат. Инженером Ермолаевым был разработан проект генеральной схемы планировки колхоза «Похъян-Тяхти» и поселка Белокаменка¹³. Правда, в 1936 году строительство так и не началось¹⁴. Тем временем под райцентр Полярного района приспособили другой населенный пункт [1, с. 105–106].

Преобразование села в поселок городского типа и тем более в город – по какому бы варианту трансформации оно не прошло – не обходилось без целого ряда трудностей. Прежде всего, ввиду преобладавшей хаотической застройки старых населенных пунктов требовалась разработка новой планировки, которая не оставляла шансов сохранения архитектурных комплексов исторического наследия.

В Кандалакше, долгое время развивавшейся без учета генерального плана, с конца

1950-х начал готовиться проект детальной планировки и эскиз генплана. Новая стратегия позволила отказаться от одноэтажной застройки и перейти к планированию современного многофункционального города, выйдя за пределы центральной части¹⁵ [2, 28].

В 1960-е годы государственный проектный институт «Мурманскгражданпроект» занимался разработкой планировки и застройки села Ловозера. Новый вид населенного пункта приближался к городскому типу: с многоэтажными благоустроенными жилыми и административными зданиями, системой водоснабжения и канализации, закольцованной системой тепловых сетей, зоной отдыха и т. д.¹⁶

Урбанизация неизбежно навязывала новые культурные традиции, и требовалось время для перевоспитания существующей «сельской» реальности. Так, развешенные сети в рыбацком селе до революции рассматривались нормой, привычной частью обстановки («везде сушили невода» [18, с.153]). В июне 1957 года районная газета «Териберский колхозник» уже нещадно критиковала повешенные «на заборах у домов... старые сети» как портящие внешний вид поселка [7]. В качестве уродства стали восприниматься различные сараи и хозяйственные пристройки к домам. В 1960 году Кандалакшский горисполком даже выпустил специальное постановление «О запрещении самовольного строительства и о сносе нетиповых сараев и других построек временного типа в черте города Кандалакши» [3]. Большую проблему в строящейся Кандалакше представлял бродячий скот – коровы, овцы и козы [23]. То там, то здесь возникающие огороды мешали устраивать палисадники [15]. Острый вопрос представляла охота на диких животных и птиц. Будучи традиционным занятием местных жителей до возникновения городов, в условиях урбанизации охота стала жестко контроли-

¹³ ГАМО. Ф. Р-357. Оп. 1. Д. 9. Л. 2, 4, 37.

¹⁴ ГАМО. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 28. Л. 42 об.

¹⁵ ГАМО. Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 21. Л. 105–108.

¹⁶ ГАМО. Ф. Р-357. Оп. 4. Д. 81. Л. 1–41.

роваться властями, нарушители наказывались за браконьерство [19].

В целом урбанизация оказалась сильнее и радикальнее традиционных ландшафтов, последние, сокращаясь, уступали место урбанизированным территориям. Но это была не интервенция, не внешний захват. Память о традиционных ландшафтах всегда жила в городах и временами проступала наружу, став в определенном смысле скрепляющим механизмом, инструментом, с помощью которого прошлое сохраняло свою актуальность. Память поддерживала определенную систему коммуникаций между урбанизированными и традиционными ландшафтами.

Создание в 1930-е годы первых на Кольском Севере заповедников – Лапландского, Кандалакшского и Семь Островов – стало формой мемориализации уходящей дикой природы в условиях урбанизации [14, с. 115–116]. То же стремление проявилось при строительстве поселка Зеленоборского в 1950-е годы: строители сохранили на месте жилой застройки росшие здесь деревья, которые придали населенному пункту неповторимый вид [13].

Преимственность культурных ландшафтов стала успешно иллюстрироваться местными музеями, созданными в каждом районе и городе Мурманской области. Благодаря деятельности, которую вела научная и краеведческая общественность в разных городах и районах, и в частности – профессора Мурманского пединститута И.Ф. Ушаков и А.А. Киселёв, нака-

пливалась система аргументаций, позволяющая рассматривать единство Кольского Севера во времени.

Преимственность ландшафтов сохраняется и через «память» топонимики. Многие населенные пункты Кольского Севера, несмотря на возможность переименования в период советского идеологического эксперимента, сохранили свои исконные названия (Кола, Кандалакша, Умба, Варзуга и т. д.).

Подводя итог выяснению последствий урбанизации для системы традиционного расселения на Кольском Севере, нельзя не заметить, что произошедшая в результате урбанизации ландшафтная трансформация не всегда означала отторжение традиции, но чаще всего свидетельствовала о перестройке иерархии старых и новых ландшафтов.

Семена урбанизации были подброшены в местную почву извне. Старый ландшафт стал для урбанизации одним из ориентиров развития, этаким местным «уровнем» достижений царской эпохи, который, следуя идее прогресса, при социализме нужно было превзойти. Для нарождающихся городов, легко получавших от государства атрибуты власти, старый ландшафт становится частью подконтрольной территории. Так наработанные ресурсы малых поселений начинают переходить в распоряжение имевших большую численность населения социальных агентов. Города безоговорочно присвоили себе историческую миссию формирования местного культурного ландшафта будущего.

Список литературы

1. Административно-территориальное деление Мурманской области (1920–1993 гг.): справ. Мурманск, 1995. 276 с.
2. Антонов А. Некоторые вопросы развития города Кандалакши // Кандалакш. коммунист. 1958. 6 июля.
3. В исполкоме горсовета // Кандалакш. коммунист. 1960. 22 мая.
4. Годы застойные... Годы достойные! Сб. воспоминаний / сост. В.И. Горячкин, В.Ф. Костюкевич. Мурманск, 2000. 288 с.
5. Горелов В. К вопросу о трехмильной зоне // Карело-Мурман. край. 1928. № 3. С. 16–18.
6. Горелов Д. На новом лесопункте // Кандалакш. коммунист. 1953. 20 сент.
7. Городков А. Изменилась набережная улица // Териб. колхозник (Териберка). 1957. 9 июня.
8. Гуцол Н.Н., Виноградова С.Н., Саморукова А.Г. Переселенные группы кольских саамов. Апатиты, 2007. 86 с.

9. Зеленцов А. Новый поселок для лесозаготовителей // Кандалакш. коммунист. 1955. 23 окт.
10. Зенченко А. Новая электростанция // Кандалакш. коммунист. 1953. 22 нояб.
11. Киселёв А.А., Тулин М.А. Улицы Мурманска. Мурманск, 1991. 288 с.
12. Коновалов С. Строится новый поселок // Кандалакш. коммунист. 1955. 18 сент.
13. Лукичев Н. Не губите зеленый наряд // Кандалакш. коммунист. 1962. 8 авг.
14. Макарова О.А. К истории создания и деятельности заповедников в Мурманской области // Мурманская область: прошлое, настоящее, будущее. Мурманск, 1999. С. 115–118.
15. Мошкова А. Берегите зелень! // Кандалакш. коммунист. 1957. 10 мая.
16. На древней Кольской земле // Заполяр. труд. 1965. 3 сент.
17. Население Мурманской области (по данным переписи населения 1989 г.): стат. сб. Мурманск, 1990.
18. Немирович-Данченко В.И. Страна холода: в 2 т. Изд. 2-е. СПб., 1903. Т. I. 371 с.
19. Об охране птиц // Кандалакш. коммунист. 1955. 20 мая.
20. Полярная правда. 1931. 23 июня.
21. Попов С. МЗООС строится // Заполяр. труд. 1957. 22 сент.
22. Скоро засветятся голубые экраны // Кандалакш. коммунист. 1961. 21 июля.
23. Смирнов П. Нарушителей – к ответу! // Кандалакш. коммунист. 1961. 17 сент.
24. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1947. 612 с.
25. Старая и новая Кандалакша // Кандалакш. коммунист. 1960. 20 марта.
26. Строительство в лесных поселках // Кандалакш. коммунист. 1953. 27 сент.
27. Строится ретрансляционный пункт // Кандалакш. коммунист. 1961. 22 сент.
28. Чтобы город был краше // Кандалакш. коммунист. 1960. 1 июля.

References

1. *Administrativno-territorial'noe delenie Murmanskoy oblasti (1920–1993 gg.): sprav.* [Administrative and Territorial Division of the Murmansk Region (1920–1993): Reference Book]. Murmansk, 1995. 276 p.
2. Antonov A. Nekotorye voprosy razvitiya goroda Kandalakshi [Some Development Issues of Kandalaksha]. *Kandalakshskiy kommunist*, 6 July 1958.
3. In the Executive Committee of the City Council. *Kandalakshskiy kommunist*, 22 May 1960 (in Russian).
4. *Gody zastoynye... Gody dostoynye! Sb. vospominaniy* [Years of Stagnation... Decent Years! Collected Memoirs]. Comp. by V.I. Goryachkin, V.F. Kostyukevich. Murmansk, 2000. 288 p.
5. Gorelov V. K voprosu o trekhmil'noy zone [On the Three-Mile Limit]. *Karelo-Murmanskiy kray*, 1928, no. 3, pp. 16–18.
6. Gorelov D. Na novom lesopunkte [In the New Logging Depot]. *Kandalakshskiy kommunist*, 20 September 1953.
7. Gorodkov A. Izmenilas' naberezhnaya ulitsa [The Embankment Has Changed]. *Teriberskiy kolkhoznik (Teriberka)*, 9 June 1957.
8. Gutsol N.N., Vinogradova S.N., Samorukova A.G. *Pereselennye gruppy kol'skikh saamov* [Resettled Groups of the Kola Sami]. Apatity, 2007. 86 p.
9. Zelentsov A. Novyyu poselok dlya lesozagotoviteley [New Settlement for Loggers]. *Kandalakshskiy kommunist*, 23 October 1955.
10. Zhenchenko A. Novaya elektrostantsiya [New Power Plant]. *Kandalakshskiy kommunist*, 22 November 1953.
11. Kiselev A.A., Tulin M.A. *Ulitsy Murmanska* [The Streets of Murmansk]. Murmansk, 1991. 288 p.
12. Konovalov S. Stroitsya novyyu poselok [A New Settlement Is Being Bult]. *Kandalakshskiy kommunist*, 18 September 1955.
13. Lukichev N. Ne gubite zelenyy naryad [Don't Harm the Nature]. *Kandalakshskiy kommunist*, 8 August 1962.
14. Makarova O.A. K istorii sozdaniya i deyatel'nosti zapovednikov v Murmanskoy oblasti [On the History of Creation and Activity of Nature Reserves in the Murmansk Region]. *Murmanskaya oblast': proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The Murmansk Region: Past, Present, Future]. Murmansk, 1999, pp. 115–118.
15. Moshkova A. Bereгите zelen'! [Protect the Nature!]. *Kandalakshskiy kommunist*, 10 May 1957.
16. On the Ancient Kola Land. *Zapolyarnyy trud*, 3 September 1965 (in Russian).
17. *Naselenie Murmanskoy oblasti (po dannym perepisi naseleniya 1989 g.): stat. sb.* [Population of the Murmansk Region (According to the 1989 Census): Statistical Yearbook]. Murmansk, 1990.

ИСТОРИЯ

18. Nemirovich-Danchenko V.I. *Strana kholoda: v 2 t.* [The Land of Cold: In 2 Vols.]. 2nd ed. St. Petersburg, 1903. Vol. 1. 371 p.
19. On Bird Protection. *Kandalakshskiy kommunist*, 20 May 1955 (in Russian).
20. *Polyarnaya pravda*, 23 June 1931 (in Russian).
21. Popov S. MZOOS stroitsya [Murmansk Zonal Experimental Reindeer Breeding Station Is Under Construction]. *Zapolyarnyy trud*, 22 September 1957.
22. The Small Screens Will Soon Shine. *Kandalakshskiy kommunist*, 21 July 1961 (in Russian).
23. Smirnov P. Narushiteley – k otvetu! [Violators Should Be Brought to Book!]. *Kandalakshskiy kommunist*, 17 September 1961.
24. Stalin I.V. *Voprosy leninizma* [Leninism Issues]. Moscow, 1947. 612 p.
25. The New and Old Kandalaksha. *Kandalakshskiy kommunist*, 20 March 1960 (in Russian).
26. Construction in Forest Villages. *Kandalakshskiy kommunist*, 27 September 1953 (in Russian).
27. A New Television Broadcasting Station Is Under Construction. *Kandalakshskiy kommunist*, 22 September 1961 (in Russian).
28. For the Beauty of Our Town. *Kandalakshskiy kommunist*, 1 July 1960 (in Russian).

Fedorov Pavel Viktorovich

International Banking Institute; Boris Yeltsin Presidential Library (St. Petersburg)

CULTURAL LANDSCAPES OF THE KOLA NORTH UNDER URBANIZATION (1931–1991)

Having analyzed some new documents, the author studied the historical impact of urbanization on traditional cultural landscapes of the Kola North. Particular attention is paid to the ideological, political and cultural causes of urbanization. Possible models of interaction between the traditions and innovations during this process are described. The author comes to the conclusion that landscape evolution did not necessarily lead to a complete rejection of traditions but was accompanied by restructuring in the hierarchy of old and new landscapes. Thus, the city has taken on the mission of forming local cultural landscape of the future.

Keywords: *urbanization, cultural dynamics, natives, cultural landscape, Kola North.*

Контактная информация:

адрес: 191011, Санкт-Петербург, Невский просп., д. 60;

e-mail: Sever-Nordica@yandex.ru

Рецензент – *Соколова Ф.Х.*, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой регионоведения и международных отношений института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова